

Хань Дуй почувствовал мимолетный укол совести, но тотчас взял себя в руки: интересы революции превыше всего. Какая же революция обходится без малых жертв?

Хань Дуй поспешил переключить внимание на то, что предстояло сделать. Шагая по дороге, он завязал разговор с Ли Сяоцзяном.

— А как выглядит этот вице-капитан? Одет во что?

Ли Сяоцзян не понимал, к чему такие подробности, но рассудил, что у Сяо Ханя зря язык не чешется, а потому послушно ответил:

— Да ему за сорок уже. Видный такой мужчина, строгий. Высокий, лицо широкое, волевое, и сам весь в сером френче.

Сомнений почти не оставалось: это определенно был тот самый незнакомец в сером пальто, которого Хань Дуй встретил на автовокзале.

— А про характер его что знаешь? — выпытывал он дальше. — Выкладывай всё как есть. Не хочется сесть в лужу при первой же беседе.

Ли Сяоцзян на мгновение задумался и покачал головой:

— Да не особо... Разве что поговаривают, будто они с нашим капитаном на ножах.

Первый и второй номера редко ладят — дело житейское.

Итого в сухом остатке у Хань Дуя было: вице-капитан Хуа Чжэнмао, сорок с хвостиком, с партийным боссом бригады не в ладах. А поскольку Ли Маньфу — верная ищейка этого самого босса, то и с вице-капитаном у него отношения натянутые. Вот и весь расклад.

Скучно, конечно, но упускать такой шанс Хань Дуй не собирался. К тому же случайная встреча на автовокзале заложила отличный фундамент. Хорошее начало — половина дела, примета верная.

Выложив всё про вице-капитана, Ли Сяоцзян заговорщицки понизил голос:

— Слушай, Сяо Жуй, тут такая новость... Ли Сяофа имя себе менять собрался!

— С чего вдруг? — удивился Хань Дуй. — Третий десяток разменял, к чему эти хлопоты?

— Вот и я говорю, дурь какая-то! — усмехнулся Сяоцзян. — Имя как имя, не позорное какое-

нибудь вроде Собачьего Хвоста. К тому же у нас в роду все по «водному» поколению названы, а он уперся. Особенно сегодня, когда услышал, какие благозвучные имена у городских ребят-чжицин. Сразу губы надул: мол, «Сяофа» — это слишком мелко и несолидно для его положения. Теперь вот хочет зваться Ли Цяньцзинь — мол, «Вперед, к прогрессу!».

Хань Дуй только мысленно хмыкнул. Какое еще, к лешему, положение у этого ничтожества?

Стоило Хань Дую и Ли Сяоцзяну войти во двор производственной артели, как их тут же направили в зал заседаний. Народу там набилось прилично: сидели капитан Лю Вэйго, бухгалтер Чжан Синьшэн, Седьмой дядя Хэ Ци, а также почтенные мужи из клана Ли — Ли Инъань, Ли Маньтан и Ли Маньцан. Выборных от клана Хань почти не наблюдалось.

Хань Дуй бросил взгляд на президиум и сразу приметил старого знакомого. Вице-капитан Хуа Чжэнмао тоже заметил юношу и тепло ему улыбнулся. В то же мгновение на лице Сяо Ханя разыгралась целая пантомима: сначала крайнее изумление, затем искренняя радость и, наконец, трепетное смущение. Вся гамма чувств — тонко, выверено, с душой. Жизнь — театр, а уж играть Хань Дуй умел как никто.

Ли Маньфу, внимательно следивший за ними, едва зубами не заскрежетал от досады и недоумения. Когда эти двое успели спеться? И с какого перепугу Хуа Чжэнмао лично настоял на присутствии этого мальчишки?

Впрочем, как бы ни кипела в нем злость, капитан Ли и бровью не повел, сохраняя невозмутимую мину.

Собрание пошло своим чередом. Главным на повестке дня стоял вопрос расселения семерых новоприбывших городских ребят.

В колхозных амбарах и подсобках яблоку негде было упасть, так что разместить там такую ораву не представлялось возможным — оставалось только распределить их по домам колхозников. В остальных артелях вопрос уже утрясли, не у дел оставались только Седьмой и Восьмой отряды. Поскольку за это дело головой отвечал Хуа Чжэнмао, он подошел к вопросу со всей серьезностью.

Едва открыли прения, как Ли Маньфу поспешил проявить сознательность. Он громогласно объявил, что готов взять к себе одного парня — мол, пусть живет в одной комнате с его Сяофа. Так под его опеку попал Янь Вэньцзю.

Следом подал голос бухгалтер Чжан: у него подрастала дочь, так что он вызвался приютить двух девушек.

Хуа Чжэнмао уже готов был утвердить это решение, как вдруг в разговор встрял Четвертый дедушка Ли Инъань — тот самый мерзкий старик, который давеча зубоскалил вслед Хань Дую и его сестрам у околицы.

— Товарищ вице-капитан, Маньфу! — угодливо затараторил он, расплываясь в приторной улыбке и обнажая гнилые желтые зубы. — К нам тоже можно девицу подселить, место найдется!

Отлично зная гнилую натуру и сомнительную репутацию этого сластолюбца, Хань Дуй тут же подал голос:

— Размещение девушек — вопрос деликатный, это вам не парней расселять. В целях безопасности наших городских гостей я настоятельно рекомендую отправлять их только в благонадежные, добропорядочные семьи с безупречной репутацией, где уже живут другие женщины.

Присутствующие согласно закивали — резон в этих словах определенно был.

Ли Иньяня от такого выпада едва кондрашка нехватила. Старик аж заикаться начал от ярости:

— Хань Дуй, ты... ты на что это намекаешь?! Хочешь сказать, у меня репутация подмочена? Что я, по-твоему, человек неблагонадежный?!

Все взгляды в зале тут же скрестились на спорщиках.

Но Хань Дуй, ничуть не смутившись, с самым благочестивым видом отчеканил:

— Великий Мао учит нас всегда исходить из фактов и не плодить ложных иллюзий. Вот сами и скажите при честном народе: вы — человек строгих моральных устоев? Односельчане о вас добрым словом отзываются?

Ли Иньянь поперхнулся воздухом и онемел.

Ли Маньфу буравил Хань Дуя яростным взглядом, а Лю Вэйго и вовсе готов был испепелить наглеца. Ишь, явился и с порога воду мутит! Будто они сами без сопливых не разберутся, кого куда селить. Нашелся тут учитель!

Опасаясь, что скандал при высоком начальстве окончательно выйдет из-под контроля, капитан Ли зычно прикрикнул на родственника:

— А ну сядь!

Старик обиженно плюхнулся на скамью, мысленно проклиная Хань Дуя до седьмого колена.

Хуа Чжэнмао, не разбиравшийся в деревенских дразгах, тихонько спросил у стоявшего рядом

бухгалтера Чжана, что за шлейф тянется за этим Ли Иньянем. Бухгалтер, будучи человеком тертым, рубить с плеча не стал и ответил витиевато, обойдя все острые углы:

— Товарищ вице-капитан, да пустяки, дело житейское. Просто Ли Иньянь в молодости любил с деревенскими бабами пошутить да позаигрывать, у нас в деревне на такое сквозь пальцы смотрят. А Сяо Хань еще молод, горяч, вот и счел такое поведение легкомыслием в амурных делах. Однако доля истины в его словах есть, безопасность превыше всего. Так что правы оба, каждый по-своему.

Вывернулся, шельма, комар носа не подточит.

Вице-капитан Хуа понимающе кивнул и устремил строгий взгляд на капитана:

— Товарищ Маньфу, вы как руководитель артели должны следить, чтобы и ваши родственники служили примером для масс. Мы строим социалистическую деревню нового типа, а значит, обязаны каленым железом выжигать пережитки прошлого и насаждать высокую культуру быта. Прошлые прегрешения вашего дяди мы ворошить не станем, но впредь пусть держит себя в рамках. Пора бы уже и о седирах подумать, пример молодежи подавать.

— Так точно, товарищ вице-капитан, всё верно, — покорно закивал Ли Маньфу, втянув голову в плечи.

В итоге двух девушек — Тань Гэхун и Ван Цин — определили к бухгалтеру Чжану. Его сын давно отделился и жил своим хозяйством, старшая дочь вышла замуж, так что в доме пустовали комнаты, да и младшая дочь, Чжан Сюсю, жила с родителями. Вариант идеальный.

Троих пристроили, оставалось еще четверо.

Ли Маньфу, чувствуя, что глупость дяди бросила тень на всю его родню, решил во что бы то ни стало реабилитироваться в глазах начальства. Действуя напролом, он единоличным решением постановил подселить Вэй Шаньфэна к своему кузену Ли Маньтану. На самом деле в доме Маньтана и без того было не повернуться — мал мала меньше детей, включая Ли Сяоцзяна, но раз уж грозный родственник-капитан рявкнул, слабохарактерный Маньтан спорить не решился и лишь безропотно кивнул.

На повестке дня оставались трое: Чжоу Ю, Чжао Юнцзинь и Цзян Юньфэй.

— Товарищ капитан, — зычно произнес Хань Дуй, — у нас дома как раз освободилась комната. Мы готовы принять Чжао Юнцзиня и Цзян Юньфэя.

По залу прокатился удивленный гул. С какой стати этот малец, даже не состоящий на партийной должности, проявляет такую прыть? Да и у Ханьских хоромы не царские — пятеро ртов по лавкам сидят, куда им еще постояльцев?

Хуа Чжэнмао посмотрел на юношу с нескрываемым одобрением:

— А у вас отличная закалка, товарищ Сяо Хань! Признаться, на вокзале я подумал, что это лишь красивые слова, но вы делом доказываете верность своим принципам.

— Будучи верным сыном класса бедняков и низших середняков, я воспитан на трудах наших великих учителей, — с пафосом провозгласил Хань Дуй, расправив плечи. — Как я могу бросать слова на ветер? К тому же вы, товарищ вице-капитан, не жалея сил трудитесь на благо коммуны, лично радеете за судьбу городской молодежи. Наш долг как сознательных колхозников — разделять с руководством любые тяготы!

Ли Маньфу только зубами заскрежетал.

Лю Вэйго же мысленно хмыкнул: «Сразу видно грамотного человека, даже подлизывается по-научному, с цитатами».

А вот Хуа Чжэнмао так и расцвел. Парень нравился ему всё больше и больше.

С улыбкой он обратился к притихшему капитану:

— Ну что, товарищ Маньфу, закрепим Чжао Юнцзиня и Цзян Юньфэя за семьей Хань? Как думаете?

В голове Ли Маньфу вихрем пронеслись коварные мысли:

«Эти двое, Чжао и Цзян, судя по лощеному виду, из непростых. Гордецы спесивые, деревенской жизни не нюхали. Они в нашей глуши за день взвоют. Окажись они под одной крышей с выскочкой Хань Дуй — пиши пропало, искры посыплются в первый же вечер. А там и до драки недалеко...»

Мальчишка думает, что подмазался к начальству, да только сам себе яму вырыл.

Останется только вовремя подлить масла в огонь, раздуть мелкую бытовую ссору до масштабов антиобщественного саботажа, довести дело до разбора на общем совете — и репутации семейки Хань конец.

Ничего, молокосос, жизнь тебя быстро проучит, если старших не уважаешь.

Все эти планы промелькнули в голове капитана за долю секунды. Спешно натянув благообразную мину, он кивнул:

— Раз вы считаете это правильным, товарищ вице-капитан, то и у меня возражений нет.

Хуа Чжэнмао, помедлив, ласково спросил у Хань Дуй:

— Сяо Хань, мы тут всё за твоих родителей решили. А они-то сами не против?

— Да что вы! — тепло улыбнулся Хань Дуй. — Я как с вокзала вернулся, сразу им обрисовал ситуацию. Отец с матерью в один голос заявили, что мы обязаны поддержать инициативу партии. Они прямо сейчас комнату к приему гостей готовят.

— Прекрасно, — рассмеялся Хуа Чжэнмао. — Редкая сознательность у всей семьи. Молодцы, так держать!

На этом вопрос с Чжао Юнцзином и Цзян Юньфэем был решен окончательно.

В остатке значился лишь один человек — Чжоу Ю.

Вспомнив строптивый нрав этого парня, Ли Маньфу ощутил, как у него начинает ныть висок. Куда девать эту головную боль?

Капитан даже укорил себя за нерешительность. Эх, надо было сразу сплавить Чжоу Ю наглым Ханьским! Уж этот колючий фрукт точно устроил бы им весёлую жизнь.

Но дело сделано, надо искать другой угол.

Первым делом Ли Маньфу попытался пристроить парня к своим однофамильцам. Но родители Ли Сяобо, уже прослышавшие про скверный характер Чжоу Ю, тут же пошли на попятную и наплели с три короба, лишь бы откреститься от сомнительного постояльца.

Ли Маньфу мысленно исходил злобой, проклиная нерадивых сородичей. Труссы несчастные, никакой поддержки роду!

Он перевел взгляд на Лю Вэйго. Тот тоже кислым видом ясно давал понять, что не горит желанием вешать себе на шею этот хомут. Но партийный долг обязывал — кому, как не руководящему кадру, подавать пример массам? Седьмой дядя Хэ Ци тоже числился в активе, но у него в лачуге и так яблоку негде было упасть.

Скрипнув зубами, Лю Вэйго прочистил горло и с фальшивым радушием выдавил:

— Что ж, пускай товарищ Чжоу Ю селится у меня.

На этой ноте расселение всех семерых комсомольцев благополучно завершилось.

Хуа Чжэнмао с облегчением вздохнул и произнес краткую напутственную речь, призвав всех к трудовым свершениям.

Хань Дуй первым взорвался бурными аплодисментами, задавая тон залу.

Когда собрание объявили закрытым, Ли Маньфу тут же подкатился к начальнику с приглашением отужинать у него дома, но тот решительно отмахнулся:

— Не стоит, Маньфу. Работы невпроворот, нужно еще отчет для парткома составить.

— Но товарищ Хуа, помилуйте! — запричитал капитан. — Дела делами, а обед по расписанию. Здоровье-то — залог нашей победы на трудовом фронте!

— В другой раз, — сухо, но вежливо отрезал вице-капитан.

Поняв, что настаивать бесполезно, Ли Маньфу отступил. Капитан проводил гостя до ворот, где тот взял свой велосипед.

Хань Дуй, выждав идеальный момент, скользнул следом:

— Товарищ вице-капитан, уже уезжаете?

Завидев юношу, Хуа Чжэнмао тут же смягчился и улыбнулся:

— А, Сяо Хань. Не спешишь к ужину? Проводи меня немного, потолкуем.

И, обернувшись к топтавшемуся поодаль начальству, небрежно махнул рукой:

— Товарищ Маньфу, не утруждайте себя проводами, у вас и так хлопот полон рот. Возвращайтесь к делам, меня Сяо Хань проводит.

— Да какая там занятость ради такого гостя! — выдавил кислую ухмылку капитан Ли. — Позвольте всё же составить компанию, проводить до околицы.

Видя такое рвение, Хуа Чжэнмао не стал спорить и лишь молча тронулся в путь.

Капитан Ли, Лю Вэйго и бухгалтер Чжан уныло плелись позади, пока Хань Дуй уверенно вышагивал бок о бок с вице-капитаном во главе процессии.

— Ты, выходит, только этим летом школу окончил? — добродушно расспрашивал Хуа Чжэнмао.
— Что с распределением? Куда планируешь?

— Всё так, товарищ вице-капитан, в июне выпустился, — рапортовал Сяо Хань. — Что до работы, то капитан Ли пообещал подыскать мне достойное место в артели, вот со дня на день жду направления.

Идущий сзади Ли Маньфу чуть языком не подавился: «Что?! Когда это я такое обещал?!»

Но не успел он и рта открыть, чтобы уличить мальчишку во лжи, как Хуа Чжэнмао обернулся и строго посмотрел на него:

— Кстати, товарищ Маньфу, с трудоустройством парня затягивать не стоит. Я тут вспомнил: на недавнем пленуме в коммуне директор Ян из Всекитайской федерации женщин очень тепло о нем отзывалась. Жаловалась даже, что с удовольствием забрала бы Сяо Ханя к себе в аппарат, да вы, мол, ценного кадра из отряда никуда не отпускаете.

Ли Маньфу покрылся испариной и закивал как китайский болванчик:

— Да-да, конечно, товарищ Хуа. Всё сделаем в лучшем виде, прямо на днях и решим.

— Вот и славно, — наставительно произнес Хуа Чжэнмао. — Я наслышан о раскладе сил в Восьмом отряде. Но помните, товарищ Маньфу: долг революционного кадра — беззаветно служить народу. А народ состоит из всех представителей пролетариата, без оглядки на их фамилии и клановые связи. Руководителю пристало иметь широкую душу и мерить всех одной мерой.

От этого недвусмысленного намека у Ли Маньфу холодный пот по спине покатился.

— Справедливое замечание, товарищ Хуа, — залепетал он, утирая лоб. — Обязательно приму к сведению, исправим перегибы на местах.

Вице-капитан лишь сухо кивнул в ответ.

Пока они вели эти светские беседы, процессия миновала центральную улицу. Вечерело, крестьяне уже вернулись с полей и теперь сидели на завалинках, лениво стуча палочками по глиняным чашкам с кашей. Стоило им увидеть, как Хань Дуй весело вышагивает плечом к плечу с самим вице-капитаном, а грозный Ли Маньфу семенит позади с понурой головой, у половины деревни челюсти едва в миски не попадали. И у многих на душе стало на редкость радостно и тепло от этой картины.

Проводив Хуа Чжэнмао до самой околицы, они постояли немного, глядя вслед удаляющемуся силуэту на велосипеде.

Но стоило высокому начальству скрыться из виду, как натянутые улыбки мгновенно сползли с лиц провожающих, обнажив их подлинное нутро.

Ли Маньфу сделался мрачнее тучи, лицо Лю Вэйго тоже перекосило от злости, и лишь бухгалтер Чжан сохранял привычный флегматичный вид, мерно попыхивая своей старой трубкой.

Капитан едва сдерживал kloкочущую внутри ярость, и его верный помощник Лю Вэйго тут же поспешил пойти в атаку.

— Ишь ты, Хань Дуй, шустрый какой! — ехидно протянул он, преграждая юноше дорогу. — Ну-ка колись, когда это ты успел под вице-капитана лечь? Чьи сапоги облизал?

Хань Дуй мечтательно уставился на догорающий закат и лениво протянул:

— О, братец Вэйго, это долгая песня, с кондачка не расскажешь.

— Ничего, я не гордый, — прищурился тот, наступая. — Выкладывай, время есть.

— Видишь ли, у меня натура тонкая, — усмехнулся Хань Дуй. — На сухую горло не поет. Вот если бы на столе стояли графинчик да хорошая закуска, глядишь, память бы и прояснилась.

— Ишь, губу раскатал! — взвился Лю Вэйго. — Еще на работу не устроился, а уже взятки вымогаешь! Как тебе после этого народное добро доверять?

— За народ вы не беспокойтесь, товарищ Лю, я у честного труженика и нитки гнилой не возьму, — со скучающим видом парировал Хань Дуй. — Мой аппетит распространяется исключительно на три категории граждан: кулаков, помещиков да партийных функционеров. С первыми двумя всё ясно — это чистая политика. В старые времена они сосали кровь из трудового крестьянства, так что теперь мой долг — пустить их по миру, дабы они на собственной шкуре ощутили прелести экономической экспроприации. Ну а уж кушать за счет нашего брата-кабинетчика — тут, знаете ли, смысл куда более глубокий.

— Ты мне зубы не заговаривай! — рявкнул Лю Вэйго. — А ну растолкуй, что за намеки? Не то прямо сейчас пойдем на ток, соберем народ и устроим тебе товарищеский суд за антиобщественные разговоры!

— Дискуссии — моя страсть, — весело отозвался Хань Дуй. — Да только недосуг мне сегодня с вами на току ляссы точить, нужно идти встречать товарищей Чжао и Цзяна. Скажу лишь одно: даже если вы расщедритесь на пир горой, я вам всё равно ничего не открою. И сделаю это исключительно из педагогических соображений. Пусть весь отряд знает: революционная воля Хань Дуя тверда как камень! Меня ни подкупить, ни запугать. Жрать я буду за ваш счет, но верность идеалам не продам. Вот какова закалка настоящего коммуниста! Конечно,

обывателям со слабой политической волей до моих высот далеко, так что повторять этот трюк крайне не рекомендую.

<http://bllate.org/book/19655/1996582>